

18+

АЛЕКСАНДР УРСУ

Я обещаю помнить



Александр Урсу

**Я обещаю помнить. Сборник
повестей и рассказов**

«Издательские решения»

Урсу А. В.

Я обещаю помнить. Сборник повестей и рассказов / А. В. Урсу —
«Издательские решения»,

Что если ответы на важные вопросы уже скрыты внутри нас, но мы их забыли? Как автор, я приглашаю вас в удивительное путешествие сквозь века и культуры — от тайн Древнего Египта до мудрости чукотской тундры. Эта книга — не просто сборник историй, а ключ к пробуждению вашей собственной душевной памяти. Готовы ли вы набраться смелости и вспомнить то, что по-настоящему важно?

© Урсу А. В.

© Издательские решения

Содержание

ДЕСЯТЬ КАЗНЕЙ	7
ГЛАВА 1. МОЛИТВА СЫНА СОЛНЦА	7
ГЛАВА 2. ДЫМЯЩИЕСЯ ГОРЫ	9
ГЛАВА 3. РЕКА КРОВИ	11
ГЛАВА 4. СЖИГАЯ НАДЕЖДУ	13
ГЛАВА 5. ИСПЫТАНИЕ СТОЙКОСТИ	15
ГЛАВА 6. ДЫХАНИЕ СЕХМЕТ	16
ГЛАВА 7. РЁВ СЕТА И ПЕЛЕНА СМИРЕНИЯ	18
ГЛАВА 8. ИСТИННОЕ БОГАТСТВО	19
РЕЧКА СМОРОДИНКА	21
ГЛАВА 1. ГУСИ-ЛЕБЕДИ	21
ГЛАВА 2. ПЕЧКА-МАТУШКА	23
ГЛАВА 3. ЯБЛОНЬКА	24
ГЛАВА 4. БЕРЕГИНЯ	26
ГЛАВА 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ	28
ХОРОШИЕ ЛЮДИ	29
ГЛАВА 1. ОТЧЕ НАШ	29
ГЛАВА 2. ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Я обещаю помнить

Сборник повестей и рассказов

Александр Васильевич Урсу

© Александр Васильевич Урсу, 2026

ISBN 978-5-0070-4882-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Сборник «Я обещаю помнить» представляет собой цикл взаимосвязанных повестей и рассказов, объединённых сквозной темой **анамнезиса** — глубокого душевного припоминания того, что всегда было известно, но забыто. Автор, кандидат медицинских наук, обращается к архетипическим сюжетам мировой культуры: от Древнего Египта и чукотской тундры до современных экологических и политических кризисов.

В книге переплетаются мифология, история, философия и психология. Герои проходят через испытания тьмой и светом, предательством и прощением, гордыней и смирением, потерей и обретением дома. В центре повествования — идея «настоящего человека»: того, кто помнит заветы Матери-Природы, способен на самоотверженность, сохраняет человеческое достоинство и внутренний свет перед лицом катастрофы.

Особое место занимают темы цикличности истории и экологической ответственности. В рассказе «Десять казней» древнеегипетский фараон проходит через череду бедствий, символически повторяющих библейские сюжеты, и обретает мудрость смирения. «Речка Смородинка» через русскую сказку ведёт к внутреннему очищению и встрече с Берегиней. В «Хороших людях» современный офицер сталкивается с нравственным выбором, который ставит под сомнение границы долга и совести. «Петля времени» через образ гончара-демиурга раскрывает память глины как свидетельницу гибели и возрождения цивилизаций. «Мир отражений во льду» погружает в космологию чукотского народа, где тьма и холод — не враги, а суровые учителя. «Пророчество» соединяет экологический кризис с древней мудростью индейцев Хопи о смене миров.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся философией истории, культурной антропологией, психологией и духовными традициями народов мира, а также всем, кто ищет ответы на вопросы о смысле жизни, памяти и путях выхода из глобального кризиса современной цивилизации.

Введение

Я не писатель. И никогда им не был.

То, что вы держите в руках, появилось не потому, что я решил «написать книгу». Оно появилось потому, что со мной случилось нечто, чему я до сих пор не могу найти простого объяснения.

В процессе работы над этими текстами — сначала разрозненными, потом вдруг собравшимися в одно целое — я узнал слово, которого раньше не знал. Анамнезис.

Оно означает «припоминание». Не заучивание фактов, не изучение архивов. А глубокое, душевное воспоминание того, что уже есть внутри тебя. Того, что ты всегда знал, но забыл.

И я понял: все эти рассказы — результат именно этого.

Я не выдумывал их. Я вспоминал. Я прожил каждую историю вместе с героями. Я стоял на балконе Пер-Рамсеса и смотрел, как красная река вползает в город. Я сидел в чукотской

яранге, слушал деда Амкава и грел руки о кружку с оленьим бульоном. Я вместе с Ильёй гулял по светлой поляне. Я не придумывал эти чувства. Я их вспоминал.

И мне кажется — я знаю это точно, — что в глубине души каждого человека есть эта память. Мы все это знаем. Не умом, не выученными догмами. А сердцем, которое помнит о чём-то очень важном.

Мы живём в непростое время. Может быть, в одно из самых непростых за всю историю человечества. Время, когда мир снова стоит на пороге. Чего? Не знаю. Возможно, больших испытаний. И чтобы пройти через это, нам жизненно необходимо вспомнить что-то очень важное. То, что мы потеряли в суете повседневной жизни.

Мне кажется, многие люди сейчас чувствуют некую душевную пустоту, которая и есть то самое чувство потери чего-то очень важного. Поэтому я не призываю вас «верить» в то, что написано на этих страницах. Я приглашаю вас провести один эксперимент.

Читайте. И время от времени останавливайтесь. Наберитесь храбрости заглянуть в своё сердце и спросите себя: отзывается ли это во мне?

Потому что эти рассказы — не истина в последней инстанции. Они — приглашение к вашему собственному анамнезису. Я очень надеюсь, что вы пройдёте этот путь вместе с героями. Иногда он будет лёгким и интересным. Иногда — тяжёлым и страшным. Иногда — глубоким и философским. Но обещаю: весь путь наполнен светом и теплом души, которая вспомнила что-то очень важное.

ДЕСЯТЬ КАЗНЕЙ

Эпиграф

«Говорят, история ничему не учит.

Я очень надеюсь, что это не так»

ГЛАВА 1. МОЛИТВА СЫНА СОЛНЦА

Я, владыка Двух Земель Мернептах, сын величайшего Рамсеса Мериамона.

Отец покинул нас пять лет назад. Теперь на моих плечах дело его — верой и правдой служить Та-Кемет, вести народ к процветанию и поддерживать порядок в пределах любимой моей земли.

Каждое утро я просыпаюсь до рассвета. Это моё время. Тишина. Только ветер с Нила шевелит занавеси из тонкого льна, и где-то далеко кричит ибис.

Стены моих покоев облицованы известняком. Они расписаны сценами побед моих предков и подношений богам. Краски — лазурит, охра, малахит — не тускнеют даже когда солнце поднимается высоко. Полы выложены мозаикой, изображающей нильские заросли. Когда я иду босиком, кажется, что ступаю по воде, в которой играют рыбы.

В углах горят алебастровые светильники. Их мягкое, лунное сияние не спорит с тьмой — оно ласкает её, превращая ночь в союзника.

Я хлопаю в ладоши.

Слуги и жрецы входят. Начинается обряд омовения. Воды Нила, нагретые за день и сохранённые в глиняных сосудах, стекают по моему телу. Жрецы умащают кожу благовонными маслами из далёкой страны Пунт. Аромат ладана и мирры наполняет покой.

Мне надевают белый льняной шендит. На грудь — золотой усах с изображением Хора. На запястья — браслеты из лазурита и сердолика.

После омовения я иду навстречу Небесному Отцу.

Храм примыкает к дворцу. Я прохожу по коридору, где на стенах высечены имена моих предков — от Менеса, объединившего Обе Земли, до Рамсеса, чьи колесницы гремели от Нубии до Хаттусы.

В храме жрецы уже зажгли свечи и раздули угли в курильницах. Кифи — священная смесь из шестнадцати трав, меда и вина — наполняет храм густым, сладким дымом.

Я встаю на колени. Поднимаю руки к небу и жду, когда великий Ра явит свой лик.

И пою ему гимн.

«Слава тебе, о Ра, в твоём восходе, Атум-Хорахти!

Поклоняюсь тебе, когда красота твоя перед моими очами и сияние твоё на груди моей.

Ты идёшь в мире в своей ладье Вечерней, сердце твоё радуется попутному ветру в ладье Утренней.

Неутомимые звёзды поют тебе хвалу, немеркнущие звёзды славят тебя.

Ты заходишь на горизонте западных гор, прекрасный, как солнце на каждый день, вечный и неизменный».

Первый луч солнца пронзает полумрак. Он касается золотого навершия обелиска, видимого через открытые врата храма, и рассыпается тысячами искр.

«Слава Тебе, Ра-Хорахти, Господин Небосклона!

Ты восходишь в сиянии Своём, и вся земля ликует, пробуждённая Твоим светом.

Ты — Творец, создавший жизнь. Ты — Царь Богов, перед которым склоняются звёзды.

Я, Твой сын и наследник Мернептах, прихожу к Тебе с чистым сердцем.

Услышь же меня:

Даруй мне силу Твоих лучей, чтобы я сиял во главе своего народа, как Ты сияешь над миром.

Сделай мой взор ясным, а руку — крепкой.

Сделай так, чтобы Истина и Порядок процветали в моих землях.

Отбрось от меня хаос и тьму, как Ты отбрасываешь змея Апопа от своей ладьи.

Сокруши моих врагов под моими сандалиями.

Пусть страх перед Твоим могуществом, пребывающим во мне, заставит врагов наших трепетать.

Когда же наступит мой срок, позволь мне взойти на Твою Ладью Миллионов Лет.

Сделай моё имя вечным, как Твой ежедневный восход, и позволь моей душе вечно созерцать Твой лик.

Ибо я — дух от духа Твоего, и правлю я по Твоей воле.

Будь благосклонен к Та-мери, возлюбленной моей земле!»

Теперь я выхожу на балкон явлений. Это место — для меня и моего народа. Каждое утро, подобно нашему Отцу Небесному, я предстаю перед своими людьми, которые с радостью и благоговейным трепетом приветствуют меня.

Как прекрасна наша чудесная столица Пер-Рамсес.

Стены дворцов покрыты бирюзовыми и лазурными изразцами. Они сверкают под солнечными лучами так, будто сам небосвод спустился на землю. Пруды с лотосами и виноградники создают прохладу даже в самый сильный зной. Город окружён каналами — вода здесь повсюду, она течёт, поёт, дышит.

Вдалеке возвышаются пилоны храмов и гигантские обелиски. Их золотые вершины ловят солнечный свет и разбрасывают искры по всей округе. Город кажется охваченным божественным пламенем.

На горизонте, у берегов Нила, видны мачты сотен торговых судов. Они везут кедр из Библа, медь из Аласии, золото из Нубии, экзотических животных из далёкого Пунта.

За пределами дворцовых стен — бесконечные пальмовые рощи, виноградники и поля эммера. Люди трудятся на этой благодатной земле. Их песни разносятся по округе вместе с тёплым ветром.

Любимая наша Земля-кормилица раскинулась от «Великой Зелени» на севере до четвёртых порогов Нила на юге.

На востоке воины охраняют бирюзовые рудники Синая и берега Красного моря. На западе мы уладили ливийские племена и поставили крепости в оазисах, чтобы пески Сахары не смели угрожать покою Та-Кемет.

Моё имя знают хетты на севере и обитатели далёкого Пунта на юге. Ко мне приходят послы из Вавилона и Хаттусы, принося дары, поражённые нашим богатством и могуществом.

Наши колоссы смотрят в вечность и напоминают всем: власть Великого дома незыблема, как само Солнце.

ГЛАВА 2. ДЫМЯЩИЕСЯ ГОРЫ

Этот день был прекрасен, и ничего не предвещало беды. Но его я запомнил на всю свою жизнь.

Мою утреннюю трапезу прервал Панехси — мой визирь Верхней Та-Кемет. Он был взволнован и очень серьёзен. Он решительно вошёл без доклада, и на то, как оказалось, были веские основания.

Рядом с ним стоял весь в пыли молодой воин. Они оба выглядели очень уставшими. Лицо молодого воина было белое, как лён. Глаза преисполнены ужаса и вытаращены. Он упал на колени и ткнулся лбом в пол.

— Мой Владыка, — с поклоном обратился визирь. — Этот человек прибыл ко мне в Гебель-эль-Сильсилу из Асуана и принёс очень важное известие. После того как я убедился в истинности его слов, мы немедленно примчались к тебе.

— Я слушаю тебя. Говори.

— Не гневайся, мой Господин, но это должны услышать только твои уши.

То, что услышали мои уши, заставило меня прервать трапезу и безотлагательно собрать **Джатжат** — тайный совет дворца.

На совете были только самые приближённые люди:

Панехси — визирь Верхней Та-Кемет, в пыльной одежде после многодневной скачки.

Рои — верховный жрец Амона, облачённый в белые одежды и леопардовую шкуру.

Мессуи — начальник войск.

Мериптах — хранитель сокровищницы.

Панса — мой верный спутник, как тень сопровождавший меня во всех походах, записывающий каждое моё слово.

Мы собрались во внутренних покоях дворца. Тусклый свет масляных ламп пронизывал полумрак.

Я прервал тишину:

— Панехси, избранник мой, ты принёс нам тяжёлую весть. Поведай остальным о том, что грядёт.

— Братья мои, — начал Панехси, обращаясь к остальным, и голос его выдавал волнение. — Когда я был в Гебель-эль-Сильсиле, прискакал гонец из земель Куша, загнав коня до смерти. Он пал ниц и кричал, что южнее Асуана Нил стал цветом красной яшмы. Он говорил, что рыба всплывает брюхом вверх, а люди боятся опустить руку в воду, ибо она отравлена. Я не поверил ему тотчас, решив, что зной пустыни повредил его разум.

Панехси немного склонился, приложил правую руку к груди, посмотрел на меня и продолжил:

— Но я медлил, о Благое Божество, пока сам не взошёл на скалы Сильсилы на закате. И я увидел это своими глазами: поток, что всегда был чист и давал жизнь, стал подобен крови из раны великана. Он шёл густой и тёмной волной, и зловоние, исходящее от воды, достигло вершин холмов. Земля вздрогнула под моими ногами, а небо на юге подёрнулось медной пеленой от пыли. Я понял, что Хапи скрыл свой лик и смерть приближается к нам.

— Волею твоей, я гнал лошадей три дня и три ночи, меняя их на каждом посту, чтобы опередить этот поток. Я видел, как чистая вода в колодцах вдоль дорог начинает мутнеть. Мой Владыка, я прибыл в столицу за несколько часов до того, как этот яд коснётся стен Пер-Рамсеса.

— Расскажи остальным, что сказал гонец, — приказал я.

— Братья, гонец принёс вести из самых дальних земель, куда доходит лишь дыхание величия нашего Владыки. Там, где горы подпирают небо и рождается Великий поток, сверши-

лось страшное. Он говорит, что Дымящиеся горы на юге разверзли свои пасти. Земля там стояла семь дней, и чёрные тучи закрыли солнце, так что день стал подобен ночи. Пепел сыпался с небес, как серая смерть.

— Гонец клянётся, что видел, как сама гора начала истекать огнём, и этот огонь падал в истоки Нила. Вода там закипела, и дух реки Хапи вскричал от боли. Великие скалы рушились в воду, окрашивая её в цвет запёкшейся крови и наполняя горечью недр. Это не просто ил, это сама плоть гор, превратившаяся в яд. Поток сорвался с высот и понёсся на север, пожирая всё живое на своём пути.

— Он рассказывал, что птицы падали замертво, пролетая над водой, а звери, пришедшие на водопой, умирали в муках, не успев отойти от берега. Горы на юге не просто дымятся — они изрыгают проклятие, которое теперь течёт к нам. Гонец видел, как целые притоки Нила превратились в густую красную кашу, что не даёт жизни, но несёт лишь смерть.

Панехси замолк. Повисла зловещая тишина.

Я оборвал её, обратившись к верховному жрецу:

— Сен-и Рои, ты, чьи уши открыты для шёпота богов. Ты слышал слова визирия. Небо на юге стало медным, а река — кровью. Скажи мне, как Царю и как Сыну Ра: это Хапи покинул нас или сам Сет решил утопить Нашу Землю в своей ярости? Чем мы прогневали богов?

Верховный жрец, облачённый в безупречно белые одежды и леопардовую шкуру, склонил голову и заговорил спокойным, глубоким голосом:

— О, Благое Божество! То, что видел Панехси, — это возвращение Нун — первозданного хаоса. Когда миропорядок Маат слабеет, силы хаоса прорываются сквозь камни гор. Горы на юге — это рёбра земли. И если они дымят и изрыгают кровь, значит, Великий Змей Апоп пытается проглотить солнце и отравить саму жизнь.

Рои сделал паузу, сосредоточенно думая о чём-то. Он будто тигр, готовящийся к прыжку, собрался с силами и продолжил:

— Боги не гnevаются на нашего Владыку. Это знамение великой битвы в небесах. Красный цвет Нила — это кровь врагов Ра, что пролилась в небесной реке и пала на землю. Но эта кровь — испытание для всех нас.

— О каком испытании говорит великий жрец Амона? — спросил я.

— Владыка, я говорю об испытании нашей веры. Все мы знаем: хозяин даёт время вырасти и созреть колосу пшеницы. Он заботится о нём, помогая вобрать в себя всю силу. Созревший колос подобен нашей прекрасной столице. Но приходит время, и хозяин собирает урожай. И начинается молотьба — отделение зёрен от шелухи.

Жрец сделал глубокий вздох и продолжил:

— Все мы понимаем, что грядут тяжёлые времена, которые и есть та самая молотьба, через которую по воле Богов мы должны пройти. Сохраним ли мы веру? Станем ли зерном или превратимся в шелуху? Вот главный вопрос. Вот цель испытания.

— Да будет так, — сказал я.

Затем мы обсудили все организационные вопросы. Было решено оповестить лидеров аму — те народы, которые живут на нашей земле, но почитают своих богов.

После совета я вышел на террасу.

Полной грудью вдохнул свежий воздух. Окинул взором свою любимую Та-Кемет. Ничего не предвещало беды — ещё нет. Солнце сияло. Пальмы шелестели. Люди трудились на полях, не зная, что через несколько часов они будут смотреть на красную реку.

Ну что же, отец мой небесный, Великий Ра.

Пришло время испытания моей веры.

Дай мне сил пройти его с честью.

ГЛАВА 3. РЕКА КРОВИ

Я помню, как заходило солнце в тот вечер. Оно было необычайно огромным, налитым тяжёлым багрянцем, словно само небо уже знало то, что я только готовился произнести. Тени в колонном зале Пер-Рамсеса удлиннились, становясь острыми, как ножи.

Перед моим троном стояли вожаки аму. Пёстрая толпа в пыльных одеждах, пропахшая кочевыми дорогами и потом. Я смотрел в их настороженные глаза и видел там страх, прикрытый дерзостью.

— На долю Чёрной Земли выпало испытание. — Мой голос эхом разлетался под сводами, тяжёлый и холодный. — Боги решили испытать прочность моего трона и преданность тех, кто живёт под его сенью. Я — ваш Владыка, но я не держу рабов силой, когда земля под их ногами готова разверзнуться. Если чьё-то сердце дрогнуло, если кто-то считает, что в этот час ему лучше искать спасения в песках — уходите. Я не осужу тех, кто покинет меня сейчас.

В зале воцарилась тишина. Я ждал ропота или шороха уходящих шагов.

Но вдруг вперёд выступил один из них. Его лицо, иссечённое морщинами и опалённое солнцем, было спокойным.

— Хем-ек, — произнёс он, и в его голосе не было дрожи. — Мы пришли к этой реке, когда были голодны, и она накормила нас. Мы строили твои города — камень за камнем. Мы служили тебе верой и правдой, и сейчас, когда небо темнеет, мы не оставим твой дом. Мы остаёмся.

Я кивнул, чувствуя странный укол в груди. Это была верность, которой я не просил, но в которой нуждался.

— Да будет так. Оповестите свои кланы.

Я вышел на «Окно Явлений».

Внизу, на площади, колыхалось море голов. Мой народ. Мои дети, которые верили, что я — живой щит между ними и хаосом. Я поднял руку, и тысячи голосов смолкли.

— Дети Нила! — Мой голос гремел, но сердце сжималось. — Боги разгневаны. Наши грехи переполнили чашу их терпения, и кара неизбежна. Мы должны принять это наказание с достоинством, как подобает тем, в чьих жилах течёт воля предков. Молитесь о милости, но не просите избавления от того, что суждено.

Я замолчал, чувствуя, как последние лучи солнца обжигают мне спину.

— Да будет так. Такова воля богов!

И в этот миг, когда последние слова ещё дрожали в воздухе, тишину разорвал робкий, захлёбывающийся крик из толпы:

— Смотрите! Смотрите там, за горизонтом! Нил... О боги, посмотрите на Нил!

Я медленно повернул голову.

Река, кормилица и мать всего живого, менялась на глазах. Багрянец заката больше не отражался в ней — он стал её сутью. Тяжёлая, маслянистая волна красного цвета, густая, как кровь из перерезанного горла великана, медленно вползала в черту города.

Запах ударил в нос мгновенно — удушливый, металлический смрад гнили и застоявшейся смерти.

На берег, прямо к ногам застывших в ужасе людей, волны начали выбрасывать мёртвую рыбу. Серебристая чешуя была залита бурой слизью.

Люди рухнули на колени. Площадь превратилась в стон. Плач женщин, хриплые молитвы мужчин, крики детей — всё слилось в один кошмарный гул. Они тянули руки ко мне.

Я отвернулся и медленно пошёл в свои покои.

С каждым шагом тяжесть короны становилась невыносимой.

«Началось», — пульсировала одна-единственная мысль.

Войдя в полумрак спальни, я упал на колени перед золотым изваянием Амона.

— Дай мне сил, — прошептал я в пустоту, слушая, как за стенами страдает мой город.
— Дай мне мудрости не сойти с ума. Ибо я — единственный, кто должен провести их через этот ад.

ГЛАВА 4. СЖИГАЯ НАДЕЖДУ

Ночь была долгой, и сон мой походил на блуждание по Дуату — подземному миру, что лежит за горизонтом. Но даже в этом беспокойном забытии я чувствовал незримое присутствие моего визиря. Панехси действовал быстро: ещё до прихода кровавой воды по моей воле тяжёлые заслоны перекрыли входы в оросительные каналы. Визирь подтвердил: вода в глубоких колодцах чиста — земля-мать успела отфильтровать яд, сохранив наши запасы.

Но утро принесло новый ужас.

Я проснулся не от трубного зова жрецов, а от звука, заполнившего всё пространство, — истошного, многоголосого кваканья миллионов глоток. Оно доносилось из садов, из коридоров дворца, из-под самых моих покоев. Панехси уже ждал меня на балконе. Лицо его было бледным.

— Хем-ек, лягушки... Река исторгла их, и они заполнили дома. Люди боятся ступить на пол.

Я позвал верховного жреца Рои. Он смотрел, как по золочённому полу мечутся несчастные создания.

— Смотри, Владыка, — тихо произнёс Рои. — Яд реки исторг саму жизнь. Лягушки бежали из отравленного Нила, как воины с проигранной битвы. Но посмотри: они уже бьются в агонии. Они умрут до заката. Жизнь, покинувшая воду, не найдёт приюта на камне.

Я знал, что должен выйти к народу. После утренней молитвы я предстал перед толпой, застывшей среди копошащейся массы несчастных детей Хекат.

— Дети Та-Кемет! — Мой голос гремел над площадью. — Наша любимая земля страдает. Сама жизнь выходит из берегов, не в силах терпеть боль. Мы скорбим и плачем о ней. Но посмотрите! Богиня Хекет не покинула вас. Её дети бегут в ваши дома, прося укрытия под вашим кровом. Не проклиняйте их — укройте их в последний час. Это зов матери о милости!

Весь день прошёл в тяжёлом, скорбном труде. Под палящим солнцем Пер-Рамсеса мёртвые тела рыб и лягушек нещадно смердили. По моей воле Панехси организовал тысячи людей, которые вышли на улицы, но именно в этот час я увидел истинную пользу тех, кто остался нам верен.

Пока мои подданные колебались, страшась ритуального осквернения, вожаки аму вывели свои племена в самое пекло. Им не нужны были сложные омовения, их боги не требовали чистоты одежд перед лицом смерти. Они работали молча и слаженно. Пока мой народ содрогался от ужаса и боялся прикоснуться к священным детям Хекет, аму сгребали лягушек в огромные кучи и волокли их к кострам.

Я обратил внимание на того самого вожака, который вчера говорил. Он стоял по колено в скверне и отдавал команды на своём гортанном наречии. В глазах моих сановников я читал презрение, смешанное с облегчением. Они нуждались в этих «нечистых» руках, чтобы сохранить свои души в чистоте. За городом запылали костры, в которых мы сжигали нашу надежду. Каждая брошенная в огонь рыба, каждая лягушка была частицей утраченного мира. Дым от костров был чёрным и горьким — плач богини Хекет, возносящийся к небу.

Самым страшным стала жажда. Мой казначей Мериптах установил норму воды на человека. Когда пришло время очищения, воды не нашлось. Рои приказал использовать сухой натрон и песок. Сановники и рабочие растирали кожу едкой солью, которая жгла раны и впитывала гнилостный запах. Это было болезненное, суровое очищение.

Вечер опустился на столицу тяжёлым саваном. Шум работ стал затихать, слышны были лишь отдалённые ритуальные песнопения жрецов. Дым костров перебивал запах реки.

Я собрал совет в саду и, глядя на пустой пруд, слушал доклад визиря.

— Владыка, город чист. Волей твоей мы предали огню все тела несчастных детей Хекет.
— Панехси закончил доклад и склонил голову.

— Что скажет начальник войск? Как обстановка на улицах? — спросил я.

Мессуи поклонился и сказал коротко и твёрдо:

— Владыка, волей твоей мы утверждаем Маат и повергаем Исфет. Те, чья вера дрогнула и чей разум был отравлен страхом, стёрты с лица земли.

— Да будет так. — Я перевёл взгляд на жреца. — Говори, великий жрец Амона.

Рои поднял голову, и в его взгляде я прочитал предвестие нового испытания.

— О Благой Бог, подобие Ра на земле! Волей твоей рука Исфет была отсечена от нашего города, и Маат восторжествовала в стенах этих. Но взгляни, Владыка: великий Хапи опечален. Воды его, дарующие жизнь, стали подобны водам озера смерти. Дети богини Хекат и серебряная чешуя рек лежат бездыханными, и смрад их поднялся до самого неба. Теперь же легионы насекомых, тех, чью настойчивость мы чтим в золоте, наводнили берега.

Рои сделал паузу и поднял руки ладонями вверх.

— Это не просто беда, но знак богов: как муха не отступает перед преградой, так и нам надлежит явить стойкость, достойную великих предков. Пусть сердца наши будут тверды, как гранит Асуана, пока скверна не покинет пределы твоего царства.

— Да будет так, — произнёс я, и голос мой эхом отозвался по всей округе.

Невольно я перевёл взгляд на грудь Мессуи, где на массивной цепи из золотых дисков сияла «Золотая муха» — высший знак «Золота чести». Эта муха была великолепна в своей суровой простоте: тяжёлое тело из литого золота, широкие плоские крылья, плотно прижатые к бокам, и крупные выпуклые глаза, которые, казалось, неустанно следили за порядком в моих владениях. Она не знала страха и не ведала усталости.

ГЛАВА 5. ИСПЫТАНИЕ СТОЙКОСТИ

Дни превратились в бесконечную череду часов, наполненных жужжанием и жаром. Время потеряло свой привычный бег, отмеренный движением тени на обелисках; оно застыло, как застывает смола на стволах акаций. Каждый рассвет приносил не радость обновления, а лишь новую тяжесть испытания, о котором предупреждал Рои.

Сначала пришёл гнус. Мелкий, почти невидимый глазу, он поднялся тучами от берегов, где ил ещё хранил следы недавней скверны. Это были «дети праха» — мелкие мушки-падальщики, чей укус был подобен искре огня на коже. Они забивались в складки льна, под повязки, в глаза и ноздри. Дворец, всегда дышавший ароматом лотоса и кифи, теперь был наполнен едким дымом натрона и полыни, которыми жрецы пытались изгнать нечистоту.

Но через неделю небо потемнело по-настоящему. На смену гнусу пришли они — большие мухи, выкормленные плотью погибших детей Хекат. Тяжёлые, с металлическим блеском на спинках, они кружили над городом, и звук их крыльев напоминал рокот далёкой бури. Это были кровососущие слепни пустыни, чья настойчивость не знала границ.

Мой народ страдал. Я видел с балкона, как люди, чей разум уже был подточен голодом и жаждой, впадали в исступление, отмахиваясь от невидимых врагов. Но именно здесь я снова увидел мудрость тех, кого мы звали чужаками.

Аму, привыкшие к суровым ветрам Синая и палящему зною, знали секреты, недоступные моим лекарям. Они жгли сухой навоз, смешивая его с горькими травами пустыни и смолой кедра. Этот густой, чёрный дым создавал завесу, через которую мухи не смели пробиться. Они научили моих людей натирать кожу смесью из сока дикого лука и тёртого касторового семени. Запах был невыносим для нежных носов придворных, но даровал спасение от жалящих насекомых.

Однако скот... О, мой верный Хапи, мой великий кормилец! Быки, посвящённые Апису, и стада, пасшиеся в оазисах, не имели защиты. Я слышал их рёв, доносившийся с окраин Пер-Рамсеса. Мухи жалили их в нежные места, и там, где появлялась рана, немедленно начиналось гниение. Животные метались, сбивая копыта в кровь, отказывались от скудной еды и воды. Первыми начали падать телята.

Это была молитба, о которой говорил Рои. Зерно отделялось от шелухи не мечом, а терпением.

Вечером, когда солнце, подобно раненому льву, уходило за горизонт, я оставался один в своих покоях. Гул мух затихал, уступая место зловещей тишине умирающего города. Я вставал на колени перед образом Небесного Отца, чувствуя, как на груди холодеет мой золотой усах.

— Великий Ра, — шептал я, и голос мой был сух, как песок пустыни. — Ты — Творец, создавший жизнь. Ты видишь, как земля Твоя, Та-Кемет, стонет под бременем Исфет. Я — Твой сын, и я держу порядок Маат своими слабеющими руками. Даруй мне сердце, подобное камню Асуана, чтобы я не дрогнул. Сделай мой дух таким же неутомимым, как та золотая муха, что сияет на груди моего военачальника. Дай мне сил выдержать эту молитбу, чтобы когда пыль уляжется, осталось лишь чистое зерно моего народа.

Я не просил избавления. Я просил стойкости.

Ибо только она отделяет царя от тени.

ГЛАВА 6. ДЫХАНИЕ СЕХМЕТ

Прошло восемь полных недель — два лунных цикла, которые казались вечностью. Но однажды утром, выйдя на балкон, я не почувствовал привычного запаха тлена. Ветер, пришедший с севера, принёс с собой давно забытую свежесть.

Река Хапи начала очищаться. Мутные, багровые воды, что несли в себе лишь смерть, постепенно светлели. Тяжёлый ил оседал на дно, и Нил снова становился зеркалом, в котором отражалось небо. Само небо, прежде затянутое маревом от миллиардов насекомых, прояснилось. Солнце Ра больше не было тусклым медным диском — оно сияло в полную силу, прогоняя тени Исфет.

Свет побеждал тьму. Легионы мух начали отступать. Те, кто выжил после великого мора рыбы, теперь падали в песок — их время вышло.

Вместе с аму мы выстояли. Эти люди пустыни, которых мои жрецы ещё недавно звали нечистыми, стали нашими братьями по несчастью. Их костры, дымящие горькими травами, создали щит вокруг наших кварталов. Мы научились у них мудрости выживания, а они увидели, что в наших сердцах живёт любовь к своей земле. Мы объединились, и Маат начала возвращаться на берега Нила.

Но когда казалось, что молотьба подошла к концу, незримо пришло новое испытание.

Тени пустыни — те, чьи глаза горят красным огнём в сумерках, — стали проникать в наши дома.

Наши верные воины света, верные стражи Бастет — священные кошки города — приняли этот невидимый бой против крыс, слуг Мрака.

Как сейчас помню слова Рои: «Небесные стражи Гора — птицы, уничтожая мух, совсем забыли про серые тени, прячущиеся в колосьях».

Тени пустыни пришли в наши дома не одни. Они привели с собой **дыхание Богини Сехмет**.

И тогда началась битва, которую не воспевают в гимнах, но в которой куётся истинное величие.

Жрецы вместе с моими воинами приступили к «очерчиванию круга Маат». Это было жестокое милосердие.

Как только в доме раздавался первый хрип или на шее ребёнка вздувался чёрный узел, воины Мессуи смыкали щиты вокруг целого квартала. Они не впускали и не выпускали никого. Жрецы в белых одеждах, окропляя камни священной водой и окуривая воздух серой, заклинали болезнь остановиться.

Они называли это «**отсечением гнилой плоти**». Чтобы спасти всё тело Пер-Рамсеса, мы были вынуждены жертвовать его частями.

Самые самоотверженные из жрецов и воинов входили в очаги мора. Они знали, что идут на Запад без возврата. Ценой своих жизней они выносили тела павших и сжигали их в огромных кострах за стенами города, чтобы дух болезни не нашёл новых жертв. Аму так же самоотверженно бросались в бой со смертью и ценой собственных жизней спасали нас, а мы — их.

Каждую ночь я видел из окон дворца, как горят эти поминальные огни. Это был «**огненный заслон**».

Каждый такой костёр был памятником стойкости тех, кто добровольно остался внутри заграждений, чтобы мор не пошёл дальше. Жрец Амона стоял на стене, воздев руки к небу, и его голос, сорванный от молитв, перекрывал треск пламени. Он строил стену не из камня, а из веры и воли.

Мы локализовали дыхание Богини. Целые улицы замолчали навсегда, но остальной город продолжал дышать.

Это была победа, купленная самой дорогой ценой.

ГЛАВА 7. РЁВ СЕТА И ПЕЛЕНА СМИРЕНИЯ

Свет победил тьму. Мы верили, что с честью прошли испытание. Все были преисполнены радости.

Помню, как утром я вышел на золотой балкон Дворца Ликования — и вид народа в белоснежных одеждах наполнил моё сердце гордостью за всех нас. Десятки тысяч подданных славили Ра и своего Владыку. Свет окончательно рассеял тень Сехмет, и я, воздев руки к небесам, возгласил:

— Свершилось! Маат восстановлена! Мы выстояли! Сама тьма склонилась перед твердостью народа Та-Кемет!

Гул восторга был подобен шуму великого порога Нила.

Но в ту самую секунду, когда торжество достигло предела, небо вдруг раскололось над нашими головами.

Удар был такой силы, что земля под моими сандалиями содрогнулась, словно Геб в предсмертной агонии. Это был не гром небесный — это был **Рев Сета**, вырвавшийся из самых глубин преисподней. Страшный, утробный звук прокатился над Дельтой, выбивая дух из груди ликующей толпы.

Ликование сменилось гробовым молчанием, а затем — стоном великой растерянности. Люди замерли, глядя на север, где горизонт внезапно окрасился в зловещий багровый цвет, словно небо истекало кровью.

К вечеру небо начало исторгать камни, которые вперемешку с раскалённым огнём падали на землю.

Огненный дождь пожирал сады и ячменные поля. В городе под предводительством Мес-суи шла битва с огнём.

Верховный жрец Рои стоял рядом со мной в тени колонн, глядя на то, как серая масса устилает священные дворы, подобно мёртвой чешуе.

— Мы были слепы в своей дерзости, Владыка, — голос его был подобен сухому шелесту папируса. — Мы самонадеянно праздновали победу. Теперь нам предстоит пройти урок смирения.

Второй день принёс ярость Хамсина. Обжигающий ветер пустыни принёс новую тьму — живую.

Саранча, подхваченная дыханием великой бури, хлынула на наши земли. Их было так много, что сама земля исчезла под копошащимся ковром насекомых. Они доедали то, что пощадил небесный огонь: кору древних сикомор, корни льна, последние ростки надежды.

Звук миллионов челюстей, пожирающих плоть Та-Кемет, был громче любого плача.

К исходу третьего дня Ра окончательно отвернул свой лик. Наступила **осязаемая тьма**.

Пепел, выброшенный в небеса далёким извержением, осел плотной завесой, через которую не мог пробиться ни один луч. Свет факелов тонул в серой взвеси, становясь тусклым и бесполезным.

Я сидел в абсолютном мраке своего зала и в полной мере осознал свою немощь.

Подобно ослепшему человеку, который внезапно понимает всю хрупкость своего шага, я осознал свою полную беспомощность. Наша стойкость, которой мы так возгордились, оказалась лишь тенью от истинной Силы. Я понял: сила духа в человеке — это не его заслуга, а присутствие Бога в его сердце. Без этой искры мы — лишь испуганные тени в пустоте.

Тьма стала нашим ослеплением и нашим наказанием. Мы дышали прахом. Мы ели прах. Мы осознали, что вся наша власть и сила — лишь прах в ладони Ра.

ГЛАВА 8. ИСТИННОЕ БОГАТСТВО

Три дня мы жили во тьме, которая была гуще смолы. Мы молились, не прося избавления, но признавая свою немощь. В этой бездне, где не было ни Ра, ни звёзд, мы поняли: человек — лишь тростник на ветру богов, и сила его — лишь в Свете, что горит внутри. Когда на четвёртый день над Та-Кемет поднялось бледное, затянутое пеплом, но живое Солнце, народ пал ниц. Это была не просто радость — это было смиренное принятие милости.

Но свет обнажил разорение. Поля, выжженные огненным градом и дочиста объеденные саранчой, молчали. Наступило время Великого Голода. Испытание плоти оказалось страшнее испытания страхом.

Однажды ко мне вбежал Мессуи. Лицо его было блее его одежд.

— Владыка, в кварталах аму чуть не случилось непоправимое. Один из их воинов, обезумев от крика голодных детей, занёс нож над священной кошкой. Его успели остановить.

Я выслушал доклад и понял: это не случайность. Это трещина, которая расколёт нас, если не принять решение. Мои люди, обессиленные голодом, всё ещё чтили священных животных. Они скорее отдали бы своих детей на заклятие, чем подняли руку на кошку — живую хранилицу Бастет.

Аму не понимали этого. Для них кошка была просто едой. Последней едой, которая отделяла их детей от смерти. Я не мог осуждать их. И не мог позволить, чтобы голод превратил наших братьев по оружию в зверей.

Мы собрали срочный совет. Пригласили старейшин аму.

Я вышел к вождям. Тень моей короны легла на их усталые лица. Я смотрел на них не как равный на равных, а как пастырь смотрит на стадо, которое он более не может защитить от бури.

— Слушайте волю Мою, вы, пришедшие из песков и нашедшие приют под сенью Моего престола! — голос мой, подкреплённый мощью Хора, разнёсся над сводами дворца. — Вы делили с Та-Кемет чашу скорби. Ваши мечи и ваше знание трав помогли Нам удерживать Маат, когда сами небеса рушились на землю. Ваша верность записана в Моём сердце.

Я сделал жест рукой. Казначей открыли сундуки.

— Возьмите это золото и серебро. Это не плата, но дар Моего милосердия, чтобы путь ваш в пустыне не закончился смертью. Идите и ищите земли, где Ра ещё дарует хлеб. Вы сдержали своё слово, и теперь Я освобождаю вас от клятвы. Вы служили Мне верой и правдой. Я, Хор в облике царя, повелеваю вам оставить пределы Моего царства.

Наступила тишина. Потом один из старейшин — тот самый, с лицом, иссечённым морщинами и опалённым солнцем, — медленно склонился передо мной.

— Не гневайся, Владыка, и позволь спросить.

— Говори.

— Мы преклоняемся пред твоей мудростью и благодарны за твою щедрость. Но почему ты не идёшь с нами?

Я посмотрел на него. На них всех.

— Мой народ останется здесь. Мать-земля Та-Кемет больна, и её дети не бросят её в беде. Если воля Ра в том, чтобы мы ушли на Запад вместе с ней — да будет так.

Старейшина склонил голову ещё ниже. Он понял. Мы поняли друг друга.

Я посмотрел на Рои. Старый жрец вышел вперёд. Голос его, сухой и тихий, вдруг обрёл силу, какую я не слышал в нём прежде.

— Послушайте то, что мы узнали в час великой скорби, — провозгласил Рои. — Запомните эти истины, ибо они дороже золота.

Первое. Придёт время, и воды всех рек будут отравлены. Ибо Земля — живая. Она тоже болеет. Не получится черпать из неё вечно, как из бездонного сундука.

Второе. Природа будет просить людей о помощи. И горе тем, кто останется глух к её зову.

Третье. В час испытаний нужно быть стойким. Не тем, кто не боится — а тем, кто боится, но идёт.

Четвёртое. Сражаясь за жизни, придётся отдавать жизни. Только самоотверженность зажигает свет, который побеждает тьму.

Пятое. Нужно смиренно нести своё бремя и не переоценивать свои силы. Гордыня — это первый шаг к падению.

Шестое. Нужно быть способным отдать самое дорогое. Ибо только тогда, когда руки пусты, можно принять божественный дар.

Рои замолчал. Потом поднял руки к небу и произнёс тихо, но так, что слышали все:

— И **седьмое**, самое главное. Проходя через все испытания, нужно остаться человеком. Не зверем. Не богом. Человеком. И это возможно лишь тогда, когда в твоей душе, как бы ни было темно вокруг, горит свет Ра. Не во храме. Не в ритуале. В душе. Сохраните этот свет. Передайте его детям. И тогда никакая тьма не поглотит вас.

Я подошёл к вождям и вложил в их руки свитки папируса.

— Золото — это лишь металл. Я даю вам дар ценнее всех сокровищ моих предков — мудрость этих чёрных дней. Я не знаю, останется ли жив мой народ, но я завещаю вам: сохраните эти слова в ваших священных текстах. Пусть ваши дети и дети ваших детей знают, как устоять, когда мир рушится. Сохраните это знание. Ибо только оно спасёт людей в часы великих испытаний.

Эпилог

Аму ушли на закате. Испытания сплотили наши народы — мы расставались со слезами на глазах. Длинная вереница людей исчезала в мареве пустыни, унося с собой наши дары и нашу боль.

А я остался стоять на берегу своего израненного Нила, чувствуя, как внутри меня, вопреки всему, горит тихий и ясный свет Ра.

РЕЧКА СМОРОДИНКА

Эпиграф

*И я там был, мёд-пиво пил,
по усам текло, а в рот не попало.*

А. С. Пушкин

ГЛАВА 1. ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Не важно, что случилось.

Может быть, он дожил до глубокой старости — седой, сгорбленный, окружённый правнуками, которых успел полюбить. Может, случился insult или инфаркт. А может быть, шальная пуля... Не важно.

Потому что в тот самый миг, когда время остановилось, в его голове явственно прозвучала мысль:

— «Вот и всё», — подумал Илья. — Ну что же... ладно. Жаль, что так быстро.

Ни паники. Ни страха. Только тихое, почти будничное спокойное сожаление — как если бы он смотрел хороший фильм, а плёнка внезапно оборвалась.

Нам всегда кажется, что фильм только начался. А кто-то даже считает, что смотрит скучный трейлер и надеется, что вот-вот начнётся настоящий. Но все убеждены в одном: его ещё смотреть и смотреть. Мы тешим себя мыслью, что он будет длиться вечно. Но в один момент плёнка всегда обрывается.

Голова немного закружилась, и Илья погрузился в чудный сон, в котором оказался на ясной и светлой полянке. Свет был ровным и мягким.

— Чудное место, — подумал Илья. — Где же я его видел раньше?

Он нахмурился, пытаясь вспомнить. Его не покидало чувство дежавю. Но память неохотно поддавалась — как старый сундук, у которого заржавел замок.

— Нет, я точно здесь раньше был. Когда-то очень давно.

Он посмотрел на небо и увидел белых птиц, которые летели куда-то вперёд. И вдруг — пыльный сундук памяти отворился, и его пронзила мысль:

— Гуси-лебеди. Точно. Гуси-лебеди!

Он вспомнил, как бабушка читала ему эту сказку перед сном. Как каждый вечер он просил её читать снова и снова, хотя знал сказку наизусть. Как она улыбалась, поправляла очки и начинала сначала — терпеливо, медленно, не пропуская ни слова.

«Жили-были старик со старухой. Росли у них дочка да сыночек, совсем ещё маленький... Летели гуси-лебеди, увидели братца, подхватили его под ручки и унесли далеко-далеко за реку, за лес, к высоким горам».

Он вспомнил, как, засыпая под эти строки, погружался в тот самый сон, в котором гулял по этим местам — так же, как Машенька в поисках братца. Эти места казались родными и уютными. Но за реку ходить было страшно — ведь там, по сказке, жила Баба-яга.

Бабушка ласково удивлялась, что он засыпает так быстро и крепко. Она шутила и говорила:

— Ты, Илюша, засыпаешь прямо как богатырь Илья Муромец. Тебя из пушки не разбудишь.

А потом, когда об этом узнала мама, она запретила бабушке читать эту сказку — несмотря на просьбы Ильи. Так закончились его путешествия в сказочную даль.

А потом он вырос. И забыл.

Совсем. Начисто. Как будто никогда и не было ни поляны, ни бабушкиного голоса, ни той реки.

ГЛАВА 2. ПЕЧКА-МАТУШКА

Илья ещё раз взглянул на пролетающих птиц и сказал:

— Ну что же, пора в путь.

Он пошёл вперёд. Долго ли, коротко ли шёл — трудно сказать. Но перед его взором предстала Печка-Матушка. В детстве она казалась белоснежной величественной горой. Ничего не изменилось: она стояла перед ним такая же красивая, тёплая, родная.

От печки шло приятное тепло, которое наполняло душу.

— Здравствуй, Печка-Матушка, — сказал Илья и поклонился низко, в пол. — Как я рад тебя видеть, как я по тебе соскучился.

«Ну вот ты и вернулся ко мне», — прозвучало в сознании Ильи.

Он подошёл и прикоснулся к печке.

Вдруг он вспомнил, что, как и Машенька, прятался в печке от гусей-лебедей. И было в ней темно, тепло и уютно. Ощущение полной безопасности — как в утробе матери. А может, так оно и было. А может, это был детский сон. Не важно. Важно, что это точно было.

— Моя Печка-Матушка, — сказал Илья, погладил и обнял её.

Тепло от печки всё больше проникало в душу. И вдруг нахлынули воспоминания.

Он вспомнил бабушкины пироги.

Они лежали на столе, накрытые вышитым рушником, и от них поднимался пар — густой, сладкий, сказочный. Пироги были с капустой, с яйцом, с картошкой и с ягодами. Конечно, самые любимые — сладкие, с ягодами, посыпанные сахаром, тающие во рту.

Он вспомнил, как вбегал с улицы, красный от мороза, как сбрасывал валенки у порога и бежал на кухню. Как бабушка ставила перед ним тарелку и говорила: «Ешь, Илюша, ешь. Расти большой».

И он ел. И пироги были тёплыми. Не просто горячими — душевными. Такими, от которых тепло разливалось не только в животе — в груди, в самом сердце.

— Надо же, — подумал Илья. — Ведь те пироги были с тем же самым теплом Печки-Матушки.

Он вспомнил, как сидел на кухне, а за окном темнело, и снег падал на карниз, и тикали часы, и бабушка что-то напевала тихонько, и было так спокойно и тепло на душе.

Вдруг перед собой он увидел те самые бабушкины пироги. Он взял один из них и поблагодарил Печку-Матушку, ещё раз поклонившись.

Тот же запах, тот же вкус. То же тепло.

Тут Илья вдруг осознал: то же самое тепло было и от материнских рук, и от объятий супруги. То же тепло он дарил ей и своим детям.

— Бабушка, мама, супруга, дочка... Вы все — хранительницы очага. В вас живёт тепло Печки-Матушки, которое вы передаёте из поколения в поколение. Ваше тепло даёт жизнь. Без вашего тепла и жизнь не жизнь, а пустота.

— Спасибо тебе, Печка-Матушка, — сказал он тихо и поклонился в последний раз. — За тепло. За уют. За пироги.

Он помолчал.

— Спасибо всему роду моему — тем, кто был до меня, кто дал мне жизнь, кто растил и согревал твоим теплом, наполняя жизнь истинным смыслом. Простите, что забыл. Простите меня, дурака.

ГЛАВА 3. ЯБЛОНЬКА

Долго ли, коротко ли шёл Илья — и вот перед его взором раскинулось прекрасное дерево. Это была та самая Яблоня.

В детстве она казалась огромной — величественной, подпирающей небо. Её ветви уходили куда-то очень далеко, в самую высь, и, глядя на них, захватывало дух. Илья тогда думал: как же высоко можно забраться, если полезть? Что там, наверху? Какие плоды?

Сейчас ничего не изменилось.

Яблоня стояла перед ним такая же, как в детстве. Большая, раскидистая, с мощным стволом, в котором чувствовалась безграничная сила. Ветви её уходили высоко-высоко, теряясь в том самом ровном свете. А под корнями, из-под самой земли, бил прозрачный ручей. Вода в нём была кристально чистой — такой, что сквозь неё можно было разглядеть каждый камешек на дне.

— Здравствуй, Яблонька, — сказал Илья и поклонился низко, как Печке-Матушке. — Как я рад тебя видеть.

Он подошёл ближе и провёл ладонью по коре. Она была шершавой, тёплой, живой.

Илья вспомнил: в детстве он не ел плодов с этого дерева. Не мог дотянуться — ветки начинались высоко, выше его роста. А залезть боялся. Но хотел. Очень хотел. Ему казалось, что там, наверху, висят самые сладкие, самые спелые яблоки. Может быть, даже волшебные — те, что исполняют любые желания.

Мы все лезем на это дерево, — подумал Илья. — Каждый по-своему, но лезем.

Кто выше, кто ниже. Кто быстрее, кто медленнее. Мы цепляемся за ветки, подтягиваемся, перехватываем руками кору. Иногда срываемся — и лезем снова. Иногда ломаем ветки, чтобы расчистить себе путь. Иногда отталкиваем тех, кто лезет рядом, — чтобы не обогнали, не заняли наше место.

Ради сказочных плодов, исполняющих любые желания, мы готовы на всё.

И чем выше мы забираемся, тем больше надеемся: там, наверху, нас ждут самые сладкие плоды. Самые сочные. Самые желанные.

Илья вдруг вспомнил свою жизнь. Вспомнил, как рвался к звёздам. Как без устали трудился, как переступал через себя. Как иногда — он не хотел себе в этом признаваться — переступал и через других. Тех, кто стоял на пути.

И всё ради повышения. Ради власти и денег? Ради сладких плодов, исполняющих любые желания?

Яблоня качнула ветвями, и с самой безбрежной высоты в его руки опустилось спелое яблоко. Он поклонился ещё раз.

— Спасибо тебе, Яблонька.

Поднёс плод к губам. Откусил.

И замер.

Яблоко было горьковато-кислым. Не противным, не гнилым — нет. Оно было спелым, хрустящим, сочным. Но горьковато-кислым. Таким, от которого сводит скулы и хочется поморщиться.

Мы сами придумали, что наверху — мёд, — подумал Илья. — Что власть, богатство, признание сделают нас счастливыми. Мы ломали ветки, давили конкурентов, предавали друзей и братьев. Но чем выше поднимались, тем больше горечи было на душе. И мы тешили себя сладкой ложью, что там, наверху, плоды точно сладкие.

Илья посмотрел на дерево. На его верхушку, теряющуюся в свете.

Чем выше мы забираемся, — подумал он, — тем страшнее смотреть вниз. Там — те, кого мы обогнали. Те, через кого переступили, кого предали. Те, кого оставили внизу и не протянули руку помощи.

И чем выше мы забираемся, тем сильнее страх падения. Мы цепляемся за своё место под солнцем мёртвой хваткой и незаметно для себя превращаемся в упырей. Так же, как и они, ради продления своей жизни мы готовы убивать и пить чужую кровь. Так же, как и упыри, мы превращаемся в живых мертвецов, которые не живут, а судорожно цепляются за жизнь, погружаясь в душевный мрак.

Но осень неизбежно приходит, и вместе с ветром уносит старые листья, которые, отчаянно цепляясь за ветки, прогибают неподвластный им свободный ветер перемен.

Илья полностью съел подарок Яблони. От косточек было особенно горько. И вдруг пришло осознание:

А ведь самое сердце яблока — это его горькие косточки.

Вот оно — самое сокровенное и ценное, что есть в жизни. Проходя через страдания и проживая горечь утраты, перед нами каждый раз встаёт выбор. Каждый раз предоставляется возможность решить, кем быть и кем стать.

Илья поклонился в третий раз.

— Спасибо тебе, Яблонька. За твой плод. За твою горькую правду.

Он подошёл к ручью, который бил из-под корней дерева.

Вода была прозрачной, кристально чистой. Илья опустил на колени, зачерпнул ладонями — умылся и испил воды. Холодная, живая вода смыла с лица следы горьких слёз правды.

ГЛАВА 4. БЕРЕГИНЯ

Долго ли, коротко ли шёл Илья — путеводный ручей вывел его к чудесной реке. Она была бесконечно огромной, издали покрыта туманом и похожа на Млечный Путь. На ум пришли слова: «молочная река — кисельные берега».

Вот и речка, — подумал Илья.

Сюда он в детстве не ходил. Не только потому, что тут по сказке обитала Баба-яга, — тогда, в детстве, стоял некий незримый барьер.

Здесь всё было в диковинку. Речка текла плавно и ровно, вода была чудной — ни в сказке сказать, ни пером описать. Белая, но при этом кристально чистая, и при этом ровно светилась тем самым светом, который озарял всё вокруг. Здесь свет сиял как-то по-особенному тепло и ярко, наполняя собой реку.

Илья сел у берега и стал любоваться. Было тепло, легко и спокойно. Течение реки погружало в приятное созерцание, и казалось, что все мысли, вся горечь уходят вместе с потоками этой чудесной воды.

Вдруг из реки появилась **Она**.

Илья от неожиданности отпрянул и вскочил на ноги.

Она смотрела на Илью и стала выходить на берег. Это была небесной красоты совершенно голая женщина.

Илья смутился, отвёл взор. Ему было стыдно, что он на неё посмотрел и увидел.

Но женщина ничуть не смутилась своей наготы и лишь приятно, по-доброму, ласково засмеялась.

Илья не знал, что с ним происходит, но ему хотелось взглянуть ещё раз. Набравшись смелости, он посмотрел ей в глаза, стараясь не глядеть на её прелести.

Она была само совершенство. А её взгляд очаровывал. Казалось, сама вечность смотрит на него через эти прекрасные глаза, которые излучали радость и... любовь.

Господи, — подумал Илья. — *Это ведь та самая любовь, которую он в детстве испытывал к матери, отцу и бабушке. Та самая любовь, которую он испытывал к жене. Та самая, которую он испытывал к детям, к работе, природе и стране. Но то были частички, разные грани драгоценного камня. А тут — квинтэссенция. Сама суть.*

Она, улыбаясь, вдруг промолвила:

— Ну, здравствуй, Илюша. Давно мы с тобой не виделись. Вижу, признал ты меня.

Илья остолбенел. Как молния, пронзили её слова его душу, которая рвалась к ней в объятия.

— Ну что же ты? Иди ко мне, любимый мой, — сказала красавица.

Илья упал на колени и заплакал навзрыд, как маленький ребёнок.

— Прости меня, — прошептал он. — Прости. Я ничтожество. Я сделал столько зла... Я предавал и лгал. Я... Если бы я знал... если бы я помнил... я бы никогда... Клянусь, я бы никогда... Я так сильно ошибался. Какой же я был дурак. Я не достоин тебя.

Илья склонил голову в ожидании наказания за все свои прегрешения.

Но никакого наказания не было.

Прекрасная женщина лишь залилась звонким приятным смехом и сказала:

— Мой любимый Илюша-дурачок.

Смех её, как хрустальные колокольчики, звенел и проникал в душу Ильи. Невольно он начал тоже улыбаться. Её глаза, как и прежде, излучали любовь, которая наполняла его душу. Ни осуждения, ни прощения — а просто чистая исцеляющая любовь.

— Кто же ты? — еле слышно спросил Илья, уже зная ответ.

— Лада. Берегиня. Та, что всегда была с тобой, даже когда ты забыл, — ответила она. — Я — любовь, что вела тебя сквозь тьму. Я — дом, куда ты всегда возвращаешься.

Илья всё больше расплывался в улыбке и, наполняясь этим чувством, твердил:

— Какой же я был дурак.

Но в душе разливались радость и любовь. И вдруг перед его глазами возник образ дочери, которую он учил ходить. Она падала и вставала, а он незримо её поддерживал, оберегал и любил. И ничуть не сердился за то, что она падала. Он её любил и знал: она учится ходить.

— Ну вот и ладно. Иди же ко мне, я так по тебе соскучилась.

— Ну вот и ладно, — рассмеялся Илья и кинулся к ней в объятия.

ГЛАВА 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Он обнял Ладу — и растворился в ней. Исчезли берега, исчезло небо, исчезло само время. Остались только они. И вода. И свет.

Илья чувствовал невероятную лёгкость. Душа ликovala. Она парила, как птица, как облако, как белый лебедь или та самая звёздочка на Млечном Пути.

Я вернулся, — подумал он.

И эта мысль не была мыслью. Она была дыханием. Она билась в нём, как сердце когда-то, но теперь — везде. В каждой капле воды. В каждом луче света.

Он стал частью этой великой чудесной реки. Он всегда был её частью — просто сейчас вернулся и вспомнил об этом.

И, став её частью, он почувствовал, что он есть река. А река есть жизнь. Бесконечная, вечная жизнь, которую питает свет, задающий ей ровное бесконечное движение.

Свет проходил сквозь него и наполнял душу. Он прекрасно понимал, что сам есть этот свет. Частичка. Искра. Которая когда-то отправилась в путешествие, чтобы радоваться и огорчаться, страдать и ненавидеть... чтобы научиться любить.

— Господи, — прошептал он. — Я вернулся. Я дома.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Эпиграф

*Все люди хорошие,
просто иногда они вынуждены
совершать плохие поступки*

ГЛАВА 1. ОТЧЕ НАШ

Храм стоял на высоком берегу реки, и Илья любил приходить сюда в утренние часы, когда солнце только начинало золотить кресты. Сегодня он пришёл чуть раньше — служба уже шла, и тягучее песнопение доносилось из распахнутых дверей, смешиваясь с запахом ладана и воска.

Он переступил порог, и мир снаружи — шумный, суетливый, требующий — остался за спиной. Внутри было по-другому. Здесь время текло иначе: медленно, весомо, как течёт река в своём глубоком русле. Здесь был порядок, который не нуждался в словах.

Илья перекрестился, не спеша, с чувством, и поклонился. Сделал первый шаг по каменным плитам, истоптанным сотнями ног, отполированным до мягкого блеска. В полумраке приотвора горели лампы, и их живое, чуть подрагивающее пламя отражалось в тёмных ликах икон. Он остановился у образа Спасителя — того, что слева от входа, — и замер на мгновение, собираясь с мыслями.

В храме было немногочисленно. В центре, перед амвоном, теснилась кучка прихожан — в основном женщины в платках, согбенные, сосредоточенные. Бабушки. Илья бросил короткий взгляд по сторонам: несколько мужчин у правого клироса, молодая пара с ребёнком в дальней части, он сам. И всё. Молодёжи почти не было.

Он подумал об этом с тихой, негромкой грустью. Когда-то, в детстве, бабушка водила его в храм, и тогда здесь тоже были в основном старушки. Но тогда это казалось естественным — старики всегда ближе к вечности. А сейчас, когда ему самому уже далеко за тридцать, он вдруг остро почувствовал, что это не просто «так сложилось». Это потеря. Мы теряем что-то очень важное, когда оставляем храм старикам. Что-то, без чего душа черствеет, а жизнь становится плоской, как лист бумаги, на котором можно написать что угодно, но можно и стереть.

Он перевёл взгляд на алтарь. Священник — отец Сергей, которого Илья знал уже лет десять, — читал молитвы. Голос у него был спокойный, чуть хрипловатый, но удивительно умиротворяющий. Слова лились ровно, без надрыва, без театральности. Просто. Как дыхание. Как течение времени.

Илья опустил глаза и начал читать про себя.

«Отче наш, Иже еси на небесех...»

Слова приходили сами, без усилия. Он знал их наизусть с детства, но сегодня они звучали внутри как-то особенно. Не как заученная формула, а как разговор. Как обращение к Тому, Кто — он это знал точно — слышит.

«...да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...»

Мысли текли вместе с молитвой, но не путались, не отвлекали. Он думал о том, как странно устроена жизнь. Как часто люди ищут сложных объяснений, глубоких смыслов, тайных знаний — а самое главное лежит прямо здесь, в этих простых словах, в этом полумраке, в этом тихом, неторопливом ритуале. В том, что можно просто прийти, встать, послушать — и на душе становится легче. Не потому, что ты что-то выпросил или откупился свечкой. А потому, что ты вспомнил: ты не один. Кто-то есть над тобой. Кто-то, кто не обманет.

«...хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Он подумал о своём насущном. О том, что у него есть дом, работа, семья. Что жена, Ольга, встретила его утром тёплым завтраком и поцелует в щёку. Что сын, Андрей, вчера принёс из школы пятёрку по физике — предмету, который сам Илья в своё время ненавидел. Что дочка, Машенька, маленькая ещё, трёхлетняя, смешно выговаривает «спасибо» и всегда путает слоги, и это так трогательно, что сердце замирает. Что родители живы, здоровы, хоть и стареют потихоньку.

Он знал, что всё это — не просто так. Что всё это держится на чём-то, что не объяснишь ни экономикой, ни удачным стечением обстоятельств.

В его жизни был момент, когда он это понял окончательно. Лет пятнадцать назад, когда он только начинал работать, был шальной случай на трассе. Он тогда возвращался из командировки, устал, не рассчитал скорость на повороте. Машину занесло, он потерял управление, и в тот самый миг, когда он уже понял, что сейчас — всё, когда время растянулось и остановилось, — что-то произошло. Колесо попало в колею, машину выровняло, и он вылетел на обочину, в кусты, даже не помяв крыло.

Он тогда вышел из машины, сел на траву и долго сидел, глядя на дорогу. Мимо проносились фуры, и никто не знал, что только что здесь, в какой-то доле секунды, случилось чудо. Или не чудо — провидение. Или просто везение, как сказали бы друзья. Но он-то знал.

С тех пор он не пропускал воскресных служб. Не из страха, не из долга, не по привычке. А из благодарности. И из чувства, что это место — храм — единственное, где он может сказать «спасибо» так, чтобы это было услышано.

«...и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...»

Друзья иногда подшучивали над ним. Когда он отказывался от посиделок в пятницу вечером, потому что «завтра в храм», кто-нибудь обязательно отпускал шутку про «святую простоту». Илья не обижался. Он понимал: они не зло, они просто... не понимают. Для них вера — это сказки для бабушек, утешение для слабых, дань традиции. Они искренне считали его чудачком, но относились хорошо. Даже с какой-то нежной снисходительностью: «наш Илья — святой человек». Он смеялся вместе с ними. Никакой он не святой. Просто ему повезло однажды, и он это помнит.

«...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...»

Священник начал возглашать ектенью, и голос его стал чуть громче, увереннее. Илья поднял голову, оглядел храм. Солнечный луч пробился сквозь высокое окно и упал на икону Божьей Матери, зажгёт её золотом. На миг показалось, что свет исходит от самого образа. Илья улыбнулся — той тихой, внутренней улыбкой, которая рождается где-то под сердцем и разливается теплом по всему телу.

Он дочитал молитву, перекрестился ещё раз, поклонился.

«Яко Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

Служба подходила к концу. Илья постоял ещё немного, слушая песнопение, которое подхватил небольшой хор на клиросе. Голоса были негромкие, не профессиональные, но в их неровности, в этой неправильности было что-то настоящее, живое. Не концерт — молитва.

Он подошёл к ящику для пожертвований, достал из кармана купюру — не показную, но и не мелкую — и опустил в прорезь. Не глядя, не раздумывая. Как дышишь.

Потом он вышел на паперть.

Солнце уже поднялось, и река внизу сверкала, искрилась, будто кто-то рассыпал по ней тысячи осколков стекла. Город шумел где-то за поворотом, за деревьями, но здесь, у храма, было тихо. Только птицы перекликались в ветвях, да ветер шевелил траву на склоне.

Илья постоял на ступенях, щурясь на свет. На душе было ровно, спокойно, светло. Не громкое счастье, которое требует немедленного действия, а тихая радость, с которой можно жить дальше. Можно идти домой, к семье, к своим делам, к работе. Можно быть хорошим

мужем, отцом, сыном, офицером. Можно быть человеком, который знает, что Бог рядом. Что бы ни случилось.

Он спустился по ступеням и зашагал вниз, к набережной, где оставил машину. Шёл не спеша, вдыхая утренний воздух, и думал о том, что сегодня надо заехать к родителям, проведать. И купить Машеньке ту куклу, которую она просила. И отцу Сергию надо помочь с ремонтом в воскресной школе — обещал ведь.

Мысли текли спокойно, ровно, и только одна, самая лёгкая, как облачко, проплыла на периферии: хорошо, что есть такое место. Хорошо, что можно прийти, постоять, помолиться. Хорошо, что Бог — не где-то далеко, в книгах и в проповедях, а здесь. Рядом. Внутри.

Он сел в машину, завел мотор и поехал на работу.

ГЛАВА 2. ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ

Машина Ильи свернула с набережной и нырнула в поток, который вёл в центр. Через двадцать минут, привычно лавируя между рядами, он подъезжал к знакомому зданию — серому, массивному, с глухими стенами и узкими окнами. Ни вывески, ни флага, ни опознавательных знаков. Просто здание. Для постороннего глаза — ничем не примечательное.

Илья припарковался на служебной стоянке, кивнул охраннику на КПП — тот узнал его, приподнял козырек в приветствии, — прошёл через турникет, приложил пропуск. Металлический щелчок, короткий сигнал. Ещё один мир, ещё одна жизнь.

Лифт поднял его на третий этаж. Двери разъехались, и его накрыло.

В коридоре было шумно. Не громко, не хаотично, но плотно, насыщенно, как бывает в хорошо отлаженном механизме, где каждая шестерёнка крутится в своём ритме, но все вместе они создают ровный, деловой гул. Где-то трещал принтер, выбрасывая очередную порцию бумаг. В конце коридора разговаривали по громкой связи — голос был напряжённый, с металлическими нотками. Из открытой двери аналитического отдела доносился перестук клавиш — быстрый, дробный, словно кто-то выстукивал шифровку.

Илья прошёл в общий отдел. Большая комната на десять рабочих мест, заставленная столами, мониторами, папками. Сейчас здесь было человек семь. Кто-то сидел, уткнувшись в экран, кто-то листал подшивку документов, кто-то говорил по телефону, прикрыв трубку ладонью. Воздух пах бумагой, нагретой техникой и кофе — дешёвым, растворимым, которым здесь заливались литрами.

— Илья! С воскресным днём, боец! — окликнули его с соседнего стола.

Сергей, его напарник, поднялся из-за стола, протянул руку. Крепкое рукопожатие, чуть с хрустом, как всегда. Илья хлопнул его по плечу.

— С воскресным, Серёга. Что новенького?

— Да всё то же, — Сергей махнул рукой в сторону монитора. — Разбор полётов, отчёты, сводки. Вчера до одиннадцати сидел. Ты-то как?

— Нормально, — Илья улыбнулся. — В храм ходил.

Сергей усмехнулся, но без злорадства. Свои, коллеги, давно привыкли к Ильиным «странностям». Кто-то подшучивал, кто-то относился с уважением, кто-то просто не замечал. В их работе главное — надёжность. А Илья был надёжным.

— Молодец, — сказал Сергей, возвращаясь к столу. — За нас помолился?

— А как же, — Илья подошёл к своему месту, снял пиджак, повесил на спинку стула.

Рабочее место его было аккуратным, почти педантичным. Монитор, клавиатура, стопка папок с грифом «Для служебного пользования», настольная лампа. На стене, прямо перед глазами, висел плакат в простой рамке: «Враг не дремлет. Будь бдителен!» Рядом — календарь с видами Кремля и государственный флаг в углу. И больше ничего лишнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.